

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

(По личным воспоминаниям)

Л. Г. ДЕЙЧ

Нашей эпохе — самой замечательной в истории всего человечества — предшествовала, как известно, неизмеримо тяжелая и длительная борьба, потребовавшая неисчислимого количества жертв как со стороны лучшей части русской интеллигенции, так в особенности со стороны рабочих. К числу лиц, оказавших значительное влияние на наше революционное движение, бесспорно принадлежали наши передовые писатели — беллетристы, поэты, критики и публицисты. Из всех этих лиц в последние годы особенно большое внимание некоторые стали уделять почти полвека назад умершему нашему крупнейшему сатирику М. Е. Салтыкову: производится оценка давно забытых большинством читателей его произведений и высказываются различные взгляды относительно его роли как художника, публициста и общественного деятеля. При этом, как водится в таких случаях, одни готовы превознести Салтыкова сверх меры, называя его «самым известным и самым популярным писателем» 60-х годов, другие, наоборот, склонны совсем отрицать его влияние на революционеров.

Я являюсь теперь одним из немногих современников Салтыкова; к тому же, насколько было возможно при условиях моего революционного прошлого, я довольно внимательно следил в течение почти двух десятилетий за его литературной деятельностью. Думаю поэтому, что предлагаемые мои воспоминания окажутся не излишними, хотя бы в виду указанных разногласий относительно влияния Салтыкова на нас, революционеров минувшего столетия.

Мне было лет 13—14, когда я прочитал некоторые из наиболее популярных произведений наших знаменитых писателей, в том числе кое-какие Щедрина. Столь раннему моему знакомству с нашими классиками, — в ущерб древним авторам, которых, как известно, стали усиленно вколачивать в головы учившихся в гимназиях со второй половины 60-х годов, — в значительной степени я был обязан посещавшим моих старших сестер студентам, о которых скажу здесь несколько слов.

Их было шесть или семь и все они принадлежали к разночинцам, являлись демократами и нигилистами, которых связывало в тесный дружеский кружок единство взглядов, интересов и стремлений. Умные и симпатичные, все эти студенты разных факультетов Киевского университета усердно занимались своими специальными науками, но находили время и на чтение общей литературы, а также на беседы и споры по поводу разных современных вопросов. Как и преобладавшее во второй половине 60-х годов большинство наиболее зрелых, серьезных представителей передовой молодежи, все они признавали себя истинными последователями Чернышевского и Добролюбова, а также сменявших их в «Современнике» М. Антоновича и Ю. Жуковского; к Писареву же и к его товарищам по «Русскому Слову» — Зайцеву и Соколову — они относились с большим пренебрежением, считая их пустыми, вздорными молодыми людьми, которые своими нелепыми выходками только компрометировали передовую молодежь в глазах передовой части общества¹.

При всем глубоком уважении членов указанного кружка к Чернышевскому и Добролюбову, они однако не разделяли того беспредельного восторга, с каким прогрессивная часть нашей интеллигенции относилась ко всем без различия произведениям этих наших знаменитых просветителей: признавая их авторитетами по разнообразным вопросам, волновавшим в то замечательное десятилетие русское общество, почти все члены киевского кружка относились довольно критически к некоторым сочинениям Чернышевского и Добролюбова. Особенно запечатлелись в моей памяти горячие их споры по поводу романа «Что делать?» Как я вскоре после знакомства с произведениями Щедрина узнал, в своем отрицательном отношении к этому знаменитому роману члены названного кружка вполне сходились со взглядами на него Салтыкова. Напомню здесь о положении, которое в описываемое десятилетие занимал наш знаменитый сатирик.

Известно, с каким чрезвычайным одобрением Чернышевский, Добролюбов и другие выдающиеся писатели той эпохи отнеслись к появившимся в 1857 г. «Губернским очеркам» Щедрина, а затем к его «Помпадурам и помпадуршам».

«Мы считаем их не только прекрасным литературным явлением, — писал Чернышевский о первом произведении, — эта благородная и превосходная книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни. «Губернскими очерками» гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдет себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он. Как бы ни были высоки те похвалы его таланту и знанию, его честности и пронизательности, которыми поспешат прославлять его наши соотечественники по журналистике, мы вперед говорим, что все эти похвалы не будут превышать достоинств книги, им написанной»².

Более сдержанный, но все же довольно лестный отзыв об этой же книге дал также Добролюбов.

«Упреки, делаемые г. Щедрину, — писал он в том же журнале, — раздаются только в отдаленных, едва заметных кружках меньшинства. В массе же народа имя г. Щедрина, когда оно сделается там известным, будет всегда произноситься с уважением и благодарностью; он любит этот народ, он видит много добрых, благородных, хотя и не развитых или неверно направленных»³.

Тургенев отнесся сперва отрицательно к писательской манере Салтыкова, но он вскоре признал свою ошибку и заявил, что Щедрин «неоспоримый мастер и первый человек в своей области... То, что он делает, кроме него делать никому».

То же произошло и с Некрасовым, обладавшим, как известно, замечательным литературным чутьем; тем не менее он также сперва совсем не оценил Щедрина, но затем спохватился и пригласил его в число постоянных сотрудников «Современника», а потом и в редакторы как этого журнала, так, после его закрытия, также «Отечественных Записок» и уже не расставался с ним до своей смерти.

Подобным же образом — сразу или после кратковременных колебаний — Салтыков с конца 50-х до середины 60-х годов считался многими очень оригинальным, талантливым писателем, но конечно не «самым популярным и известным», как заявил М. Ольминский в своей о нем статье.

Выход в свет каждого нового произведения наших классиков являлся крупным общественным событием, вызывавшим чрезвычайное возбуждение, горячие дебаты и расхождения. Напомню о бесконечных толках по поводу «Накануне», «Аси», «Обломова», в особенности — об «Отцах и детях», что, как известно, поделило самый передовой слой нашей интеллигенции на два враждебных лагеря — на сторонников и противников Базарова.

Ничего аналогичного не произвело ни одно из появившихся в 60-х годах произведений Щедрина; более того: успех, вызванный его двумя крупными сочинениями — «Губернскими очерками» и «Помпадурками и помпадуршами», оказался непродолжительным, и огромные надежды, возлагавшиеся на него, как мы видели, «властителями наших дум» тогда, не оправдались в том десятилетии. Обуславливалось это общим состоянием нашей страны в описываемую пору, а отчасти также и личными свойствами Щедрина.

Недолго, как известно, длились восторги и ликования, охватившие всех передовых людей в начале царствования Александра II. В нашей стране совершался тогда огромный сдвиг.

Как на это реагировал Салтыков?

Прожив несколько лет перед тем в разных глухих захолустьях в качестве ссыльного и одновременно видного чиновника, Щедрин близко познакомился только с провинциальным миром, который в разное время затем и был им превосходно изображен. Но этого опыта и почерпнутых им из него сведений было конечно недостаточно для

той руководящей роли, которую ему поневоле пришлось играть в качестве соредактора самого передового журнала, каким являлся «Современник».

После смерти Добролюбова и ареста Чернышевского Щедрин наряду с Некрасовым оказался самым популярным руководителем «Современника». Не довольствуясь печатанием своих воспоминаний и впечатлений о прошлой — крепостнической — провинции, он счел себя в силах выступить также в качестве руководителя волновавшейся в то время молодежи, но первый же испеченный им блин вышел комом: в одном из печатавшихся им фельетонов из «Общественной жизни» он обратился к молодежи, названной им «птенцами», с увещанием не увлекаться, хотя тут же признал склонность к несбыточным стремлениям у юношей вполне естественной. Тем не менее он счел уместным предостерегать «птенцов», указав им на то, что «со временем эта склонность пройдет у них, и тогда они, к сожалению, увидят, что то была лишь «пародия на дело, одно лишь самообольщение». Таким образом, по утверждению этого будто бы преемника Чернышевского и Добролюбова, молодежи следовало довольствоваться тем, что ей предоставляет попечительное начальство. Не такие советы привыкли читатели этого журнала находить на его страницах.

В неменьшей степени изумили последних нападки этого нового «руководителя», на тогдашнюю передовую молодежь, на «нигилистов», которых Щедрин почему-то вздумал превратить в «нераскаившихся титулярных советников», а последних признавал «раскаившимися нигилистами».

Едва ли можно было счесть это определение остроумным, но что оно было неуместно, если не бестактно, это признали даже многие из горячих приверженцев «Современника», так как в то время разные ретроградные, а отчасти и либеральные писатели в своих романах и повестях всячески издевались над передовой молодежью: Щедрина не подобало, к тому же на страницах «Современника», присоединяться к сонму злостных клеветников передовой молодежи.

В своем ответе на появившиеся в «Русском Слове» хотя резкие, но вполне правильные опровержения этих промахов Щедрин попытался оправдаться, однако сделал это совсем неудачно. Посыпавшие поэтому на него еще более сильные нападки со стороны Писарева и Зайцева в сильной степени повредили его репутации даже в глазах многих из тех, которые раньше склонны были всячески смягчать неблагоприятные его выпады против романа «Что делать?» Чернышевского, напечатанного в том же самом журнале. Тогда же, как известно, появившаяся очень хлесткая и талантливая статья Писарева «Цветы невинного юмора», направленная против неудачных сатирических рассказов Щедрина, имела огромный успех: даже лица, совсем несогласавшиеся с критическими приемами этого высокоодаренного молодого публициста, вынуждены были признать его правоту, хотя при этом и покатывались со смеха по поводу преподанного им в конце статьи совета Щедрина вместо писания неудачных острот заниматься естественными науками.

К их числу принадлежали также члены кружка киевских нигилистов, но они вполне сходились со Щедриным в его отрицательном отношении к картинам жизни в фаланстерах, изображенным Чернышевским в известных снах героини его романа Веры Павловны.

Не буду останавливаться на других несогласиях этих непоследовательных приверженцев Чернышевского с изложенными им в его замечательном романе взглядами. Чем же объяснялись их расхождения с ним? Главным образом реакцией, вызванной, как известно, покушением Каракозова (4/16 апреля 1866 г.).

Члены названного выше кружка оцеликом примыкали к сторонникам мирных взглядов; несмотря на свое отрицательное отношение вообще к проповеди Писарева и его товарищей, они также полагали, что являются теми же «новыми людьми», которых в лице Лопухова и Кирсанова Чернышевский вывел в своем романе.

* * *

Присутствуя при беседах и спорах, всегда сдержанных, корректных членов этого кружка, я конечно воспринимал все услышанное с большим интересом и без малейшей

критики. Года три я находился под влиянием этих очень практичных «реалистов». Но наряду с некоторыми положительными результатами я получил от них немало и отрицательных черт: несвойственные моему отроческому возрасту скептицизм, умеренность, излишнюю серьезность, короче — «преждевременную старость», как удачно определил П. Б. Аксельрод тогдашнее мое настроение при знакомстве со мною весной 1871 г.⁴ Только два-три года спустя я отделался от влияния этих чересчур «положительных реалистов». Я радикально изменил их отрицательному отношению к революционному движению, их неосновательному скептицизму по отношению ко всяким «утопиям», их ироническому взгляду на «юношеские увлечения», энтузиазм и т. д.

По окончании университета все члены этого умеренного кружка осуществили поставленные ими себе задачи — стали «добросовестными», «честными» легальными тружениками, недурно устроившимися на разных мирных поприщах. Насколько могу припомнить, только один из них — Мих. Игн. Кулишер приобрел впоследствии некоторую известность в качестве публициста и отчасти ученого. Почти всех остальных я затем, став революционером, потерял из виду⁵.

* * *

Лет пять спустя после упомянутого выше усилившегося реакционного периода, в самом начале 70-х годов, среди передовой молодежи вновь появилось в неизмеримо более широком размере, чем это было в 60-х годах, стремление принять энергичное участие в общественной жизни. Возникло это стремление одновременно в разных концах страны, главным образом в столицах и в университетских городах, независимо одно от другого. Началось это движение с попыток вполне мирных и легальных: с кружков самообразования, с распространения разумных, тенденциозных книг, с преподавания трудящимся начальных знаний и т. п.; но конечно очень скоро правительственные преследования заставили молодежь уйти в подполье, перейти к революционной борьбе.

Начиная с этого периода — как, быть может, ни покажется это странным после вышеупомянутого отношения Щедрина к молодежи, — он стал все более и более завоевывать ее расположение и вновь становиться очень популярным. Произошло это по следующим причинам.

Вместо закрытых после покушения Каракозова «Современника» и «Русского Слова» редакторы этих двух журналов — при несколько измененных ими составах сотрудников — стали владельцами «Отечественных Записок» и «Дела», которые вначале не пользовались большим успехом: их литературные силы не могли идти в сравнение с теми, которыми располагали погибшие журналы; к тому же цензура всячески препятствовала существованию у нас разумной и честной печати. Поэтому бывшая раньше колоссальной роль периодической печати все более и более падала: так, помню, что в начале 70-х годов многие из нас совершенно отрицали тогдашние ежесемьичные журналы, но эти же лица с огромным интересом читали старые статьи Чернышевского, Добролюбова и Антоновича в «Современнике», который уже стал тогда библиографической редкостью. Понятно, что это придавало ему особенно большой интерес в наших глазах и неизменно повышало рыночную его цену⁶.

Не могу теперь с уверенностью сказать, но вполне вероятно, что вышеприведенные чрезвычайно лестные отзывы Чернышевского и Добролюбова о Щедрине, с одной стороны, а также и резкие на него нападки сотрудников «Русского Слова» — с другой, имели то или иное влияние на возникший если не у всех, то все же у многих членов кружков саморазвития интерес к Щедрину. Знакомясь со старыми его произведениями, юные читатели конечно не все в них понимали, вследствие особенной литературной манеры, усвоенной Щедриным в значительной степени под влиянием цензурных рогаток.

От знакомства со старыми его произведениями некоторые из молодежи незаметно переходили к чтению печатавшихся в «Отечественных Записках» новых статей его, и наиболее любознательные юноши начали находить в них много интересного и поучительного. Этими сведениями некоторые из них умело стали пользоваться при возникав-

ших тогда среди нас горячих спорах о возможности или, наоборот, невозможности у нас мирной деятельности на легальном поприще в виду правительственных преследований.

Никто другой в начале 70-х годов не посвящал столько внимания и не обнаруживал такого умения изобразить самые разнообразные стороны как бывшего крепостного, так и сменившего его нового кулацкого строя, как Щедрин. В этом отношении его статьи являлись — в особенности для многих из молодежи — неисчерпаемым источником необходимых сведений в виду поставленной, как известно, себе тогдашней молодежью цели — уплатить тяготевший на ней «долг народу», иначе говоря: посвятить все силы, знания, способности, не останавливаясь ни перед какими жертвами, вплоть до самой жизни, делу освобождения угнетенных масс от испытываемых ими бедствий. Именно из произведений Щедрина некоторые из нас впервые почерпали сведения о невыносимо тяжелом положении освобожденных от крепостной зависимости крестьян как вследствие неимоверного обложения их многочисленными поборами, так и в виду быстро расплодившихся, кроме прежних, еще новых хищников. Впервые он изобразил целую галерею Деруновых, Колупаевых и Разуваевых, ставших с тех пор нарицательными именами. Он же описал, шаг за шагом, процесс превращения мелкого скупщика у крестьян их продуктов сперва в кабатчика-мироеда, затем в обладателя земель, лесами и усадьбами, приобретенными им за бесценок у разорившихся помещиков, и наконец становившегося ворочавшим миллионами строителем железных дорог, крупным банкиром. Вместе с награбленным богатством Дерунов являлся «столпом», на котором зиждились семья, собственность и государство, хотя в качестве «снохача» именно он нарушал главную основу семьи.

От Щедрина же мы узнали, как деревенский хищник смотрел на им же разоряемого земледельца, от чего мы, идеализировавшие последнего, приходили чуть не в бешенство.

«Крестьянину, — утверждал Дерунов, — дани платить надо, а не о приобретении думать... Всем он дань несет, не только казне-матушке... Так ему свыше написано... Ежели человек беден, так чем меньше у него, тем даже лучше: лишней обузы нет».

Дерунову же Щедрин вложил в уста замечательно удачное выражение, приобретшее большую популярность среди нас, революционеров: когда речь заходила о невозможности более выколотить что-нибудь из доведенного до нищеты крестьянина, Дерунов уверенным тоном говорил: «Он достанет!» Этими двумя словами хищник метко определял бесконечную выносливость тогдашнего несчастного земледельца, действительно умудрявшегося еще и еще «достать» для снабжения многочисленных своих эксплуататоров.

Щедрину принадлежало и другое удачное выражение — «чумазый идет!» Этими лаконичными фразами он вполне правильно определял лишь очень немногими его современниками понятий тогда наступивший у нас «процесс первоначального накопления». Едва ли Щедрину был уже известен незадолго перед тем приведенный Марксом в «Капитале» анализ этого процесса; скорее благодаря присущей Щедрину наблюдательности он самостоятельно дошел до вывода, что наша страна уже вступила в период первоначального накопления. Это тем более замечательно, что, как известно, и в то время и много еще десятилетий спустя — за редкими исключениями — разные так называемые у нас «передовые люди» не сомневались в «самобытности» нашей страны, в том, что ей не грозит тяжелый путь капитализма, давно уже господствовавший во всех цивилизованных странах.

* * *

Мало-помалу даже самые крайние отрицатели «легальных статей», не допускавшие в этом отношении никаких «компромиссов», все же стали интересоваться сообщениями лиц, читавших «Отечественные Записки», о произведениях Щедрина и о встречавшихся в них метких выражениях. Затем нередко случалось, что этим крайним «отрицателям» легальных журналов приходилось в спорах с противниками революционеров ссылаться на Щедрина и со слов других приводить ту или иную иллюстрацию из его произведений: благодаря этому приему им нередко удавалось опровергнуть своего оппонента, поставить его в неловкое, а то и в смешное положение. Помню, как мой и ныне здравствующий

товарищ, студент в то время — Сергей Ястремский, во время производившегося у него в начале 70-х годов в Харькове обыска, обратился к товарищу прокурора с вопросом, не училища ли правоведения он? Подтвердив это, последний выразил удивление, почему Ястремский сделал это верное предположение; последний сказал, что он сообразил это, благодаря изображению Щедриным «правоведов», чем немало сконфузил эlegantного молодого прокурора.

Чем дальше, тем все больше произведения Щедрина приобретали среди нас, революционеров 70-х годов, популярность. Нам чрезвычайно нравилось, что он щелкал наших либералов за их «умеренность и аккуратность», за их «с одной стороны нельзя не сознаться, но с другой — надо признаться» и т. п. К тому же, беспощадно нападая на все решительно оттенки культурного общества, зло высмеивая представителей разных правительственных учреждений, администрацию, земство, изобличая представителей всяких профессий и т. д., Щедрин щадил трудящиеся массы и обходил молчанием нас, революционеров. Между тем в те времена считалось вполне дозволительным изображать нас в карикатурном виде, как сделал это Достоевский в «Бесах», хотя он и знал, что мы были лишены возможности ответить ему. Одно то уже, что Щедрин не присоединялся к этим клеветникам, говорило в его пользу. Мы конечно предполагали, что он не одобрял избранного нами пути, что он вероятно считал нас «увлекающимися юнцами», и мы находили такое его о нас мнение естественным в виду присущего ему скептицизма. Но в то же время нам казалось, что этот беспощадный сатирик не питал к нам никакой вражды, не относился к нам с насмешками, как это позволял себе тогда даже его товарищ по редакции, как Н. К. Михайловский⁷. Не могу теперь припомнить, знали ли мы тогда, что в конце 40-х годов Щедрин примыкал к петрашевцам и как мы к этому отнеслись. Помню только, что в отношении его, а также Некрасова никто из нас не только не считал предосудительным их участие в легальной прессе, а, наоборот, мы признавали, что их произведения имеют благотворное влияние на широкий круг читателей, чего они не имели бы, если бы, покинув Россию, примкнули к заграничным нашим писателям⁸.

Во второй половине 70-х годов нам стало каким-то образом известно, что Щедрин считает крайне предосудительными появляющиеся в печати нападки на нас в виду того, что мы лишены возможности возражать на них. Передавали также, что его чрезвычайно возмутил появившийся в начале 1877 г. роман Тургенева «Новь», который он считал карикатурой на революционеров, между тем как последних Щедрин высоко ценил за проявляемое ими мужество, самоотверженность, энтузиазм, и что он скорбел по поводу неимоверно тяжелых наказаний, которым они подвергались за совершенные ими столь ничтожные преступления, как передачи, а иногда только хранение нелегального листа⁹.

Со смертью Некрасова общественное значение Щедрина с каждым годом все более стало возрастать. Вскоре он всеми был признан одним из наиболее популярных писателей, несмотря на то, что тогда находились в живых такие выдающиеся беллетристы, как Тургенев, Толстой, Гончаров, Островский. Вот что писал в то время по поводу значения Щедрина неизвестный журналист и присяжный поверенный Е. И. Утин:

«Давно уже русский писатель не производил на современное ему общество такого глубокого впечатления, как г. Салтыков. Каждое новое его произведение читается с жадностью, все о нем говорят, спорят, значительное большинство восхищается им».

Едва ли к концу 1880 г., когда была написана эта статья¹⁰, находилось среди нас, революционеров, много лиц, не разделявших этого «восхищения большинства» Щедриным, хотя, как известно, в указанное время наше движение приняло уже террористическое направление и участники последнего имели основание предполагать, что он не очень одобряет восторжествовавший среди нас способ борьбы.

В описываемое мною время преобладавшее большинство нашего передового либерального общества, после вынесенного присяжными заседателями оправдательного приговора стрелявшей в генерала Трепова Вере Засулич, вдруг прониклось чрезвычайным радикализмом: оно не только готово было — конечно втихомолку — рукоплескать тер-

рористам, но также соглашалось оказывать им всякого рода поддержку, не исключая и незначительных денежных ссуд, потому что рассчитывало в дальнейшем их руками жар загребать. Только Щедрина никак нельзя было причислить к этим «отчаянно смелым», «политическим деятелям». Прямой, честный, ярый противник каких-либо компромиссов, Щедрин был далек от таких «увлечений до самозабвения», до полной потери способности понимать переживаемое тогда нашей страной настроение. Мы, так называемые «чернопередельцы», возраст большинства которых едва перевалил тогда, в 1879—1880 гг., за 24—25 лет, тем не менее понимали, что путем террористических актов не только нельзя будет добиться у нас политических свобод, но что, наоборот, можно вызвать еще более жестокую реакцию, чем уже существовавшая тогда в России. Тем более, следовательно, старый опытный писатель-практик, склонный скорее к скептицизму, чем к увлечениям, не мог потерять головы и наверно не потирал своих рук от удовольствия при каждом известии о новом террористическом акте, как это сплошь делали тогда многие представители нашего либерального общества. К числу восторгавшихся увлечением молодежи террором примкнул, как известно, и Михайловский. Щедрин же вероятно с чувством скорби и тревоги покачивал своей седой головой при каждом известии о новом террористическом акте, предвидя приговоры к смертным казням и к многолетней каторге юным энтузиастам, исполнителям этих актов, и не ожидая за эти ужасные жертвы даже «куцой конституции». Но кем же в ту пору являлся Щедрин? — быть может поинтересуетса узнать читатель.

Некоторые современные исследователи революционных движений той эпохи заявляют, будто Щедрин примыкал к народникам. Сам принадлежав тогда к ним, я решительно утверждаю, что это совершенно не верно. Вспомним, каков был его взгляд на главную основу народничества — на земельную общину. В то время все мы считали ее устойчивой, прочной, гарантирующей Россию «от язвы пролетариата», по известному выражению Н. Г. Чернышевского. Между тем раньше, чем кто-либо другой, Щедрин писал о ней следующее:

«Говорят, в России не может быть пролетариата, ибо у нас каждый бедняк есть член общины и наделен участком земли, но забывают, что существует громадная масса мещан и что с упразднением крепостного права к мещанам присоединилась еще целая масса дворовых людей. Кроме того забывают еще и то, что около каждого «обеспеченного наделом» высочил Колупаев. Вместо того чтобы уверять все, что вопрос о распределении уже решен нами на практике, мне кажется приличнее было бы взглянуть в глаза Колупаевым и Разуваевым и разоблачить детали того кровопийственного процесса, которому они предаются. Почему? Каким образом? И в особенности, с чьей помощью? Вот если это «с чьей помощью» как следует выяснить, тогда сам собою разрешится и другой вопрос: что такое современная русская община и кого она наипаче обеспечивает: общинников или Колупаевых?» («За рубежом»).

В ту пору (в начале 80-х годов) по этому вопросу не мог бы решительнее высказаться даже самый ярый марксист.

К роли кровопийц, вносивших расслоение в крестьянскую среду и подготовлявших почву для наступления капитализма, Щедрин возвращался неоднократно во многих своих произведениях.

«Чумазый идет, чтобы показать, где раки зимуют, — писал Щедрин. — Он наглый, с цепкими руками, с несътой утробой. Его пришествие уже приветствуют охранители и публицисты. Арена его обездоления бесконечна, и всегда будет казаться, что процесс обездоления не совершил всего своего круга. Мироедский период еще не исчерпал своего содержания. Сдается, что придется пережить эпоху чумазовского торжества».

Похоже ли это на народничество? Наоборот, в каждом народнике такие взгляды вызывали тогда крайнее возмущение. Когда мы, народники, устраивали «прочные поселения» в деревнях, чтобы готовить крестьянские бунты, Щедрин несомненно не верил ни в целесообразность этих наших планов, ни в их осуществимость. Он конечно несколько не идеализировал русского крестьянина, не считал его, как мы тогда, наделенным всевозможными добродетелями, от рождения склонным к альтруизму, кол-

лективизму и бунтарству. Трезвому взору этого чуткого и отзывчивого наблюдателя уже тогда ясно представлялась необходимость «пережить эпоху чумазовского торжества», иначе говоря, эпоху процесса первоначального накопления, а затем — по примеру западноевропейских стран — также и капитализма. Когда мы в качестве народников решительно отрицали возможность у нас этого процесса, считая его губительным для нашей страны, Щедрин, видимо, вовсе не приходил в отчаяние от этой перспективы, а лишь обращался к лучшим своим современникам с такими советами:

«Не погрязайте в подробностях настоящего, но воспитывайте в себе идеалы будущего, ибо это своего рода солнечные лучи, без оживляющего действия которых земной мир обратился бы в камень... Вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего. Только недалезорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности...»

Тогда же Щедрин утверждал, что «жизнь без идеалов — это совокупность развращающих мелочей».

Подобными прозрачными высказываниями — при свирепствовавшей тогда цензуре — своей веры в «светящиеся точки, мерцавшие в перспективах будущего», Щедрин приобретал наши глубокие симпатии и уважение. Едва ли кому-нибудь из нас, народников, приходило тогда на ум сопоставлять Щедрина по его влиянию на современников с кем-нибудь из самых популярных тогдашних писателей. В качестве художника мы, правда, признавали, что он уступал Тургеневу, Достоевскому и Толстому, но никто из них не пользовался тогда у нас не только особенным, но даже простым расположением, так как каждому из них мы могли предъявить тот или иной счет по поводу его отношения как к нам, революционерам, так в особенности к трудящимся массам, для которых Толстой, Тургенев и другие писатели из помещиков являлись такими же паразитами, как и всякие эксплуататоры.

В описываемое мною время, т. е. в конце 70-х годов и в первые годы следующего десятилетия, Щедрин если не у всех тогдашних революционеров, то во всяком случае среди многих из них занимал совершенно исключительное, ни с чем несравнимое положение. Никакое из существовавших тогда у нас передовых, а также и крайних течений не в праве было причислять его целиком к своим единомышленникам, хотя, как известно, разных мастей либералы «готовы были с ним родными счесться», несмотря на постоянное им их высмеивание. Мы, «радикалы», как в те времена величали всех без различия направлений социалистов, совсем не считали его своим единомышленником, что явствует из вышеприведенных выдержек из его произведений. Тем не менее, повторяю, многие из нас чувствовали к нему не только наибольшую личную симпатию, но и глубочайшее уважение как к единственному тогда неподкупному, честному легальному публицисту.

Насколько мне известно, Щедрин, не в пример вышеназванным выдающимся нашим писателям, не имел никаких личных знакомых в нашей среде и не только не искал их, но даже как будто избегал заводить их с нашим братом как в России, так и во время пребывания своих за границей. И мы, насколько могу теперь припомнить, не только не ставили эту его отчужденность от нас ему в вину, а, наоборот, признавали такое его отношение более тактичным, скажу откровенно — более честным, чем например тогдашние заигрывания с молодежью Тургенева: после каждого за эти заигрывания шпигания на него Каткова он, как известно, слышал публично откеститься от всякой с нами связи, а тем более симпатии к нам. К тому же, хорошо зная тех немногих, далеко не из лучших, представителей тогдашней нашей эмиграции, вроде известного ренегата, сотрудника «Нового Времени» Исаака Павловского, которому тогда протезировал Тургенев, мы находили, что Щедрин много выигрывал тем, что за границей не заводил подобных связей. Единственными его знакомыми там были Лавров и Зибер. Но, насколько могу припомнить, он не прочь был познакомиться с примыкавшим к группе «Освобождение труда» Ильей Николаевичем Игнатовым, о чем сообщу здесь все, что удержалось в моей памяти.

Эту зиму летом 1883 г. Плеханов и мы, его товарищи, уже решили тогда выступить в качестве самостоятельной марксистской группы, в которую вступил Вас. Ник.

Игнатов; младший же брат его Илья как-раз в это время приехал к нему в Женеву по окончании им ссылки, а также и обязательной воинской повинности. Помню, Илья Николаевич обратился однажды ко мне с просьбой помочь ему в помещении написанного им в ссылку очерка в «Отечественных Записках», пользовавшихся тогда уже большой популярностью, благодаря главным образом Щедрина и лишь отчасти Михайловскому, который после оправдания Засулич радикально изменил свое отрицательное отношение к революционерам и даже сам стал подписывать в «Народной Воле». Попасты в этот журнал новичку, к тому же с беллетристкой, считалось очнь трудным, так как было известно, что этим отделом заведует «чрезвычайно строгий, придирчивый Щедрин». Это я и сообщил Илье Николаевичу, но он уверенным тоном заявил, что не сомневается в одобрении последнего, лишь бы только рукопись попала в его руки.

Этот Игнатов, как и старший его брат Василий, произвел на меня и на других членов нашей группы, не знавших его раньше, впечатление человека серьезного, вдумчивого, к тому же скорее недооценивавшего чем переоценивавшего свои силы и способности. Я повтому, не читая его очерка, согласился попросить Лаврова о пересылке отправленной ему рукописи с соответствующей его рекомендацией к Щедрину.

Довольно скоро Лавров уведомил меня, что ему не понадобилось пересылать рукописи в Петербург, так как Щедрин приехал в Париж и он лично передал ее ему. Вскоре пришло от него же второе письмо, в котором он извещал, что рассказ Игнатова чрезвычайно понравился Щедрину: последний просил его передать автору его просьбу явиться к нему, так как Щедрин предположил, что Игнатов находится в Париже, но, узнав, что тот в Женеве, он выразил большое сожаление, так как находил необходимым в виду цензурных условий произвести в очерке значительные изменения, которых без согласия автора не хотел делать. При этом он самым лестным образом отозвался об этом очерке, признав у Игнатова несомненный беллетристический талант¹¹.

Нетрудно себе представить, как по этому поводу возликовали все мы, в особенности же Г. В. Плеханов, издавна ценивший Щедрина почти так же высоко, как и Некрасова.

Обладая изумительной памятью и остроумием, Георгий Валентинович с присущим ему умением всегда чрезвычайно кстати приводил остроумные фразы из статей Щедрина, чем нередко вызывал у присутствовавших взрывы смеха. Щедрина он признавал одним из самых умных наблюдателей и наилучшим изобразителем разных сторон русской действительности, что в виду занятой тогда Плехановым вместе с нами, его единомышленниками, марксистской позиции он считал исключительно важным.

Как-раз летом этого же 1883 года в «Отечественных Записках» печатались замечательные «Письма в тетеньке» Щедрина, которые вызывали у Плеханова, да и у всех нас, остальных, большой восторг. Георгий Валентинович приводил из них на память большие выдержки. Помню между прочим, что, когда в предшествовавшем году появилась первая статья Плеханова в «Отечественных Записках» — «Новое направление в политической экономии», он мне однажды сказал, что ему доставляет большое удовольствие печататься в журнале, редактируемом Щедриным, и рядом с его статьями,— до того высоко ценил он последнего. Из произведений Щедрина Плеханов приводил много иллюстраций, подтверждавших защищаемые им и нами тогда взгляды по поводу происходившего в России экономического процесса. При этом он недоумевал по поводу непоследовательности или близорукости главного редактора научного отдела «Отечественных Записок» Михайловского, который допускал, как он говорил, «измышления В. В.» Последний тогда же выступил в «Отечественных Записках» же с решительным отрицанием не только в то время, но и в будущем возможности появления капитализма у нас в виду того, мол, что все рынки уже захвачены другими странами. По мнению Плеханова, Щедрин, не претендовавший на редактирование научного отдела, неизмеримо лучше, правильное разобрался в вопросе о судьбах капитализма в России», чем занимавший этот пост Михайловский.

Наряду с Плехановым, и В. И. Засулич издавна являлась горячей поклонницей Щедрина: она также всегда внимательно следила за его произведениями и, по получении каждой новой книжки его журнала, прежде всего разрезала страницы его статей. Отличаясь, как и он, большой наблюдательностью, тонким чутьем и безграничной отзывчивостью, Вера Ивановна любила Щедрина за его правдивость, искренность, последовательность и в этих, как и в некоторых других, отношениях она считала его неизмеримо лучшим человеком, чем например Тургенев или Достоевский. Поэтому, при желании, она конечно могла бы познакомиться с Тургеневым, так же, как и она, многие годы проживавшим за границей, но она не только не стремилась к этому, а, наоборот, решительно отклоняла это не вследствие присущей ей застенчивости и скромности, а потому, что многое в характере и поведении автора «Нови» претило ей. Зная ее хорошо, я глубоко убежден, что, встретиться она со Щедриным, она близко сошлась бы с ним, без удержки кричала бы ему, размахивая руками перед его лицом, как это у нее всегда происходило в оживленных ее беседах с симпатичными ей людьми, хотя бы из числа знаменитых иностранцев, как например с Фр. Энгельсом, Элизе Реклю, Лефрансе и другими.

Да и вообще все члены группы «Освобождение труда» являлись большими почитателями нашего крупнейшего сатирика, хотя помню, что мы себе представляли его угрюмым, суровым, неприветливым стариком.

Не могу сказать, чтобы так же внимательно относились к Щедрину другие видные тогда эмигранты. Конечно Лавров, Драгоманов, Лев Мечников следили за его статьями, но нельзя того же сказать о таких «старожилах», как Н. И. Жуковский, Эльсниц, Жеманов и другие: едва ли они вообще заглядывали в какой-нибудь русский журнал. Даже такой многосторонне начитанный человек, как Кропоткин, насколько могу теперь припомнить, мало, если не сказать совсем, не следил тогда за нашей публицистикой и беллетристикой, чем, мне кажется, можно отчасти объяснить его неправильные суждения о разных сторонах жизни нашей страны, а также и о таких крупных писателях как Тургенев, Щедрин и другие, при чем первого он переоценивал, а второго недооценивал¹².

Наш сатирик пользовался особенным расположением со стороны проживавших тогда за границей наиболее видных народовольцев — их тогда лидеров Тихомирова и Ошаниной. Вот что первый писал о Щедрине в выпущенной им на французском языке книге о России:

«...В наше время, т. е. в царствование Александра III, Щедрин испускает вопль отчаяния... Это великолепная сатира — «Торжествующая свинья». «Я привык до сих пор,— говорит сатирик,— переносить все страдания с легкомысленной уверенностью, что «бог не выдаст, свинья не съест». Но ныне в первый раз сатирик испугался. Он восклицает: «Съест нас свинья, съест!» Не преувеличивайте, однако, этого страха! Посмотрите, как зло этот напуганный человек обращается с этой свиньей — торжествующей реакцией,— и вы убедитесь, что он очень далек от подлинного отчаяния»¹³.

Между тем едва ли в описываемое время Щедрин признавал террор спасительным средством для уврачевания нашей страны; едва ли также верил он в благотельность для нее намерения народовольцев «захватить власть» руками нескольких десятков гражданских и военных молодых людей.

Не особенно значителен был контингент почитателей Щедрина среди многочисленных тогда уроженцев России, учившихся в разных зарубежных высших учебных заведениях, которые, занятые по уши зубрением своих курсов, не имели возможности следить за русскими журналами. Все же, в общем, находившиеся за границей русские с большим наслаждением читали произведения нашего сатирика. Здесь, мне кажется, естествен вопрос со стороны читателя: как мы представляли себе отношение Щедрина к нам, вновь народившимся марксистам? Считали ли мы, что он разделяет наш взгляд на роль рабочих как на главный рычаг для свержения господствовавшего строя и замены его новым, социалистическим?

Нет, мы этого не думали. Наоборот, мы были уверены, что, подобно почти всем нашим тогдашним передовым общественным деятелям, не верившим ни в прочность

наших «устоев», ни в благодетельность крестьянских бунтов, ни в спасительность для страны «захвата власти» кучкой заговорщиков, также и Щедрин должен был находить неосуществимыми, фантастичными цели и средства для их достижения, проповедуемые Плехановым и нами, его товарищами. Несмотря на производимый Щедриным вполне правильно анализ происходившего тогда в нашей стране экономического процесса, он все же мог считать несвоевременными наши воззрения, хотя бы в виду того, что рабочий слой в России был тогда крайне незначителен по сравнению с остальным ее населением. И, в подкрепление своего отрицательного отношения к нашим стремлениям, он в праве был сослаться на постоянного тогда сотрудника «Отечественных Записок» проф. Н. Зибера: последний, как известно, самым решительным образом отрицал целесообразность не только революционной, но даже профессиональной деятельности как интеллигенции, так и рабочих и не только в России, но также в наиболее передовых странах¹⁴. Но мы допускали, что, будь Щедрин знаком с нашими взглядами, он быть может нашел бы их более правильными, чем воззрения господствовавших тогда народолюбцев. Между тем покойный М. С. Ольминский в статье «Щедрин и Ленин» заявил следующее:

«Не может быть сомнения, что Щедрин читал и полемике Фр. Энгельса с Ткачевым, и первые брошюры группы «Освобождение труда», и если бы он дожил до выступления Н. Михайловского против марксистов и до ответа ему Ленина, то он не был бы на стороне Михайловского».

Далее Ольминский допускал, что у Щедрина во второй половине 80-х годов произошел «возврат к исконным его идеям в духе марксизма»; он также считал, что в написанном Щедриным еще в 1849 г. рассказе «Брусин» «можно видеть отражение «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, а в «Благонамеренных речах» видно отражение книги «Происхождение семьи, собственности и государства» Фр. Энгельса. Поискать, вероятно найдешь и другое. Недаром К. Маркс интересовался Щедриным»¹⁵.

Вполне соглашаясь с М. Ольминским в том, что, доживи Щедрин до 90-х годов, когда в Петербурге возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и завязалась горячая схватка между старыми народниками и молодыми марксистами, он не отнесся бы к нашему движению так, как Михайловский: известно, что последний крайне возмутительно повел себя по отношению к марксистам, — значительно хуже еще, чем, как мы уже знаем, он отнесся в начале 70-х годов к молодежи, уходившей в народ. Но другие утверждения М. Ольминского вызывают у меня некоторые сомнения... Так я и полагаю, другие члены нашей группы совершенно не знали, что Щедрин читал наши первые брошюры. Откуда покойный Ольминский почерпнул этот «несомненный», по его словам, факт, этот вопрос остается пока открытым. Сомнительно мне также указанное им «отражение» «Коммунистического манифеста»; что же касается влияния книжки о «Происхождении семьи, собственности и государства» на «Благонамеренные речи», то в этом предположении Ольминского очевидное недоразумение, так как названное произведение Энгельса появилось в 80-х годах, а «Благонамеренные речи» — в 70-х. Едва ли также верно, будто у Щедрина произошел «возврат к марксизму». Нет, Щедрин ни раньше, ни в 80-х годах не придерживался марксистских взглядов, чему подтверждением может, мне кажется, служить его письмо, посланное им Е. И. Утину в январе 1880 г. Приведу из него следующую выдержку:

«Мне кажется, что писатель, имеющий в виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иных идеалов, кроме тех, которые исстари волнуют человечество, а именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается практических идеалов, то они так разнообразны, начиная от конституционализма и кончая коммунизмом. что останавливаться на этих стадиях — значит добровольно стеснять себя. Я положительно убежден, что большее или меньшее совершенство этих идеалов зависит от большего или меньшего усвоения человеком тайн природы и происходящего отсюда успеха прикладных наук. Ведь семья, собственность, государство — тоже были в свое время идеалами, однако и они видимо исчерпались».

После такого изложения самим Щедриным его взгляда на «идеал» можно ли признать последний «марксистским»? Думаю, что под этими его строками охотно подписался бы тогда любой либерал. Но мы уже знаем, что Щедрина нельзя причислить к либералам.

В виду вышеизложенного его, по-моему, необходимо отнести к социалистам-электрикам, наиболее ярким представителем которых являлся у нас Лавров. Это значит, что выдержанных, последовательных взглядов не было у этих социалистов, что они стремились отовсюду — по правильному определению Энгельса — заимствовать то, что им казалось хорошим, полезным, справедливым, отбрасывая то, что они считали вредным.

Скажу теперь несколько слов об отношении Маркса к Щедрину. По этому важному вопросу имеется в печати несомненное свидетельство самого Маркса. Из сделанных им заметок на поля некоторых произведений нашего сатирика видно, как он внимательно читал в подлинниках сочинения последнего, как он тщательно подчеркивал в них указания и рассуждения автора по поводу разных сторон тогдашней русской действительности. В этом отношении поразительно совпадение интереса Маркса с упомянутым мною выше интересом наших молодых революционеров начала 70-х годов. Не могу здесь остановиться на этих чрезвычайно интересных заметках Маркса, — рекомендую лицам, не знающим их, познакомиться со статьей Ф. Гинзбург «Русская библиотека Маркса и Энгельса»¹⁶. Здесь ограничусь приведением следующего отзыва Маркса о произведении Щедрина «Убежище Монрепо» и вообще о сделанных последним выводах: «La dernière partie de la «Предостережение» est très faible; généralement l'auteur n'est pas heureux dans ses conclusions positives». (Последняя часть «Предостережения» очень слаба. Вообще автор не очень счастлив в своих «положительных» выводах). Вяжется ли этот отзыв Маркса с сообщением М. Ольминского, будто у Щедрина был «возврат к марксизму»? Можно ли возвратиться к тому, чего раньше не было?

От всех этих заметок по поводу отношения к Щедрину эмигрантов перейдем к особенной категории его читателей, находившейся совсем в другой стране и в иных условиях.

Зимой 1885/86 г. я очутился на дальней окраине Восточной Сибири — в Карийской политической каторжной тюрьме. Заключенных в ней в то время было 64 человека, преобладавшее большинство которых принадлежало к революционной молодежи второй половины 70-х и начала 80-х годов. Почти все эти лица были осуждены по народовольческим и террористическим процессам, происходившим в столицах и в разных крупных городах. К тому же лица эти уже в течение нескольких лет содержались в тюрьмах, что, как известно, накладывало на заключенных специфический отпечаток. То была новая формация революционеров, в некоторых отношениях отличавшаяся от своих предшественников, которые не занимались террором, а ходили «в народ».

По некоторым причинам, на которых не стоит останавливаться, я не могу теперь с полной уверенностью сказать, как преобладавшее большинство лиц, находившихся тогда в нашей мужской тюрьме на Каре, относилось к Щедрину и к его произведениям: кажется, что он в ту пору и в этой среде не пользовался такой исключительной популярностью как среди нас, народников 70-х годов, а также и среди марксистов последних десятилетий XIX столетия. Мне кажется, что произведения Щедрина уже не являлись для преобладавшего контингента карийских читателей источником полезных для них сведений, так как приверженцы народившегося у нас нового революционного течения не нуждались во всестороннем и более правильном ознакомлении с русской действительностью; вместо них, а также и ознакомлений с разного рода социально-политическими теориями и учениями, явилась необходимость в столь специальных технических знаниях, как способы приготовлений взрывчатых веществ, устройства метательных снарядов и т. д. Такого рода сведений конечно невозможно было почерпнуть из произведений Щедрина; к тому же его писательская манера действительно в значительной степени уступала бесспорно высоким художественным талантам наших классиков. Все же Щедрин решительно всеми почти заключенными на Каре считался

интересным писателем, и его сочинения читались как в одиночку, так и сообща, по вечерам, когда в камерах чистили картошку. При этом нередко раздавался дружный смех и похвалы по его адресу, а по окончании чтения поднимались оживленные дебаты. Что запутанный, туманный способ его изложения, вызванный тогдашними цензурными условиями, нередко сбивал с толка даже очень умных и развитых читателей, подтверждением этому может служить следующая выдержка из «Дневника Карийца» Я. Стефановича:

«1-е декабря¹⁷. Старик Щедрин распотешил «Пошехонской стариной». Удивительная свежесть памяти и живость воспроизведения у старика. Но по прочтении остается осадок чего-то удручающего, тоскливого. Щедрин не всегда умеет взять такой тон, который давал бы чувствовать под слоем человеческой мерзости нечто по крайней мере потенциально отрадное. Нет у него и той грустной нотки, которая, мне кажется, и придает сатире гуманизирующее значение. А то пишет, как будто бы ведет рассказ в кругу приятелей после обеда с хорошим вином».

Ясно, что мой старый друг совершенно не знал, при каких ужасных условиях приходилось Щедрину в то время протаскивать в печать свои произведения: ведь то было после убийства Александра II, когда с каждым годом все более усиливалась реакция, когда «Отечественные Записки» были давно закрыты и когда Щедрину с большим трудом удавалось находить приют в некоторых журналах, опасавшихся за свое существование. При господствовавшем тогда крайне враждебном к нему отношении всякого рода властей можно было, наоборот, удивляться его находчивости, способности провести цензуру. Только из недавно опубликованной его переписки стало известно, сколько невероятных мучений пришлось Щедрину вынести, особенно в последние годы его жизни. Приведу здесь из нее следующие выдержки:

«Скажу вам откровенно, — писал он Михайловскому 14 февраля 1884 г., т. е. за два с чем-то месяца до закрытия «Отечественных Записок», — мне становится невыносимо скучно. И стар я, и болен, а тут еще в Цензурный комитет требуют и работу уничтожают. Крепко подумываю об отставке».

«...Прибавьте при этом неизлечимую болезнь и старческий упадок сил, и вы получите понятие о моем каторжном существовании», — это из письма к И. И. Ясинскому от 27 марта того же года. А вот что он писал через полтора месяца:

«Прежде, бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам, а нынче¹⁸ вон, с божьей помощью, какой поворот — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие» (из письма к П. В. Анненкову от 3 мая того же года).

Сообщив затем Михайловскому, что московский генерал-губернатор кн. Долгоруков предупредил редактора «Русской Мысли», чтобы тот не принимал статей бывших сотрудников «Отечественных Записок», иначе «несдобровать» его журналу, Щедрин добавил:

«...Все эти подходы имеют в виду преимущественно меня. Желают, чтобы меня нигде не принимали, а публика будет думать, что я сам бросил: благородно и остро!»

«...Легко сказать: пишите бытовые вещи... И куда итти?.. Последний № «Вестн. Евр.» просто претит, а это все-таки лучшенькое. Да еще примет ли Стасюлевич?.. О читателе скажу вам, что, хотя я страстно его люблю, но это не мешает мне понимать, что он великий подлец»¹⁹.

И при таком лестном мнении о «лучших» тогдашних журналах и о читателе Щедрин, стоя уже на краю могилы, вынужден был писать! Но он не мог сидеть, сложив руки, не писать. Понятно поэтому, почему в его письмах этого периода срываются выражения, будто он «надоел всем до смерти», что «лучше бы он сошел с ума» или «покончил самоубийством»...

Если при таком физическом и моральном состоянии Щедрин все же был способен так писать, «будто бы ведет рассказ в кругу приятелей после обеда с хорошим вином», то это можно только поставить ему в огромную заслугу. Благодаря этой способности он, несмотря на чрезвычайную придирчивость цензуры, всякими способами изощрялся проводить дорогие ему взгляды, для чего прибегал то к воспоминаниям из

«Пошехонской старины», то к форме «Писем к тетушке» и к «Сказкам». При этом даже в самых мрачных его изображениях печальной русской действительности в течение последнего, наиболее тяжелого периода его жизни все же где-то впереди мерцал просвет для него и «любимого» им «читателя-подлеца», все же повторял он, что «золотой век не позади, а впереди нас», куда он и звал читателя-друга вплоть до самой своей кончины.

По сообщению Михайловского, который знал Щедрина в течение многих лет, «у него не было никакой иной привязанности кроме читателя, никакой иной радости кроме общения с читателем». Но как же в таком случае, объяснить вышеприведенный резкий отзыв его о читателе? Этот бранный эпитет по адресу последнего сорвался у Щедрина с пера вследствие крайнего его огорчения от того, что читатели ничем не реагировали на закрытие дорогого ему журнала, в котором он в течение почти двух десятилетий непрерывно беседовал с читателем-другом, делясь с ним всеми своими помыслами. Когда же стряслось над ним огромное несчастье, то, как заявил Щедрин печатно, этот друг «заробел, затерялся в толпе и дознаться, где именно он находится, довольно трудно». Понятно поэтому, что «робость» читателя в такое тяжелое для него время не могла не огорчать всеми покинутого, одинокого, к тому же тяжело больного старика...

Среди заключенных на Каре во время моего там пребывания восьми или девяти рабочих произведения Щедрина кажется имели больший успех, чем у интеллигентов. Не помню, признавали ли они его выше или только равным нашим знаменитым классикам, но они видимо с огромным удовольствием слушали чтение его произведений во время чистки картофеля в камерах. Некоторых рабочих очень интересовали в особенности условия частной жизни этого симпатичного им писателя. Вызывался этот интерес вероятно тем, что тогда среди нас нередко происходили дебаты по поводу пребывания Тургенева в течение значительного периода его жизни за границей, в семье Виардо, к чему некоторые из нас относились крайне отрицательно. Но помнится мне, никто из нас, заключенных, ничего тогда не знал об условиях жизни Щедрина вплоть до лета 1888 г., когда к нам прибыл из Петербурга известный поэт П. Ф. Якубович: незадолго до своего ареста он встретался с Щедриным в редакции «Отечественных Записок». Оказалось однако, что у него также были очень скудные об этом сведения, которые, к тому же, улетучились. Помню только его рассказ о том, как принял его Щедрин, когда он впервые принес ему тетрадку со своими стихотворениями: перелистав ее и видимо наскоро пробежав некоторые стихи, суровый редактор, возвратил ему рукопись и пробурчал глухим голосом: «пишите, молодой человек, пишите!» Что, видимо означало: хотя слабовато, но подает надежду.

Вскоре затем под инициалами «П. Я.» стали появляться в периодических изданиях стихотворения этого молодого талантливого поэта.

Якубович с большой симпатией отзывался о Щедрине как редакторе и человеке: он сообщал, что при суровой внешности и отсутствии ласкового обращения Щедрин был в сущности добродушным, отзывчивым и заботливым о других человеком. Это теперь вполне подтверждается выше уже упомянутыми опубликованными Н. В. Яковлевым письмами его.

1889 год — год смерти Щедрина и столетнего юбилея Великой французской революции — особенно памятен нам, карийцам, так как известно, что он ознаменовался небывалым до того даже в России ужасным тюремным происшествием, получившим печальное название «Карийской трагедии».

Упоминаю о ней только затем, чтобы объяснить, почему смерть этого замечательного писателя не запечатлелась в моей памяти: я не помню, когда известие о кончине Щедрина дошло до нас и какое впечатление оно произвело на нас, заключенных.

Только впоследствии, когда несколько улеглось неимоверно угнетенное состояние, вызванное нашей «трагедией», я стал знакомиться с происходившими в том памятном году в России событиями, но конечно до нас, заброшенных в отдаленное глухое захолустье Сибири, далеко не обо всем интересовавшем нас дошли известия.

В течение последовавших затем одиннадцати лет моего пребывания в так называемой «вольной команде» на Каре и на поселении мне, насколько помню, ничего существенного о Щедрине не приходилось слышать, и я долго не знал, как относилась к нему революционная молодежь конца 80-х и 90-х годов.

Очувшись вновь в эмиграции после побега из Благовещенска весной 1901 г., я сразу попал в среду «искровцев»: известно, что тогда Ленин со своими товарищами — Мартовым, Потресовым, Крупской и другими приверженцами нового тогда в России марксистского движения, приехав за границу, объединился с моими старыми товарищами — Плехановым, Засулич, Аксельродом, образовав сообща тесную организацию, в которую и я немедленно по приезде вступил. Но ни с кем из перечисленных здесь лиц мне не приходилось беседовать по поводу их отношения к давно умершему Щедрину и о его на них влиянии. Имеется однако в печати свидетельство другого лица, бывшего в конце 80-х годов народовольцем и ставшего затем марксистом, это — упомянутый мною выше М. С. Ольминский. В уже цитированном мною сборнике его статей о Щедрине находится специальная глава «Щедрин и Ленин», которая посвящена указанному вопросу, куда и отсылаю читателя. Здесь приведу из нее лишь следующие выдержки:

«В первом же своем боевом выступлении против выродившегося народничества Ленин... находил себе неизменного союзника в лице Щедрина. Находил и позже. Почему так случилось? Не потому ли, что Щедрин под конец своей жизни все более освобождался от уз народничества, в то время как народники, во главе с Михайловским, скатывались к либералам? И не потому ли у Ленина никогда не поднималась рука против Щедрина» (в выноске к этому слову у Ольминского сказано: «по крайней мере я таких случаев не знаю»).— Л. Д.).

В дальнейшем Ольминский сообщает, что рассказ Щедрина (из «Мелочей жизни» о «хозяйственном мужичке») — «заставил меня (и не одного меня) в 80-е годы очень задуматься как народовольца. Щедрин так в конце концов ставил вопрос: вот честный, трудолюбивый крестьянин, не кулак — но с какой стороны возможно подойти к нему для революционной пропаганды? Выходило, что ни с какой».

Из этой выдержки явствует, что произведения Щедрина побуждали более вдумчивых народовольцев уже в конце 80-х годов переходить к марксизму. После этого становится вполне понятным, почему некоторые народовольцы отрицают его влияние на наше революционное движение. В этом отношении, как впрочем и во многих других, они глубоко ошибаются.

В заключение замечу: между тем как влияние Михайловского было большею частью реакционно, регрессивно, Щедрин, наоборот, действительно всегда звал молодежь вперед.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Ткачеве никто никогда не упоминал, и я его имя впервые прочел где-то лишь в начале 70-х годов.

² «Современник» 1857, № 6. Собр. соч., т. III, стр. 233, изд. 1918 г.

³ Полн. собр. соч., т. I, стр. 224. С.-Пб., изд. «Всемирной библиотеки».

⁴ Он сообщил об этом в своих воспоминаниях «О пережитом и передуманном».

⁵ В своих записках «За полвека» я сообщил о встрече с одним из бывших членов, д-ром Социным, убеждавшим меня отказаться от революционной деятельности.

⁶ Помню, что мы платили букинистам по 15 и больше рублей за книжку «Современника», в которой был напечатан роман «Что делать?»

⁷ Теперь не помню, каким образом мы тогда же узнали, что Михайловский, высмеивая избранный нами способ деятельности, называл хождение в народ «маскарадом с переодеванием», уподобляя это детскому крестовому походу и говоря, что для полного сходства недоставало, чтобы впереди отправляющихся в народ шел барабанщик с козлом. Нетрудно после этого себе представить, как многие из нас, семидесятников, относились к этому, будто бы тогда «властителю наших дум», как утверждают некоторые «хорошо осведомленные» современные «исследователи» революционного движения того отдаленного периода.

⁸ Михайловского некоторые из нас прямо обвиняли в трусости за его отказ от приглашения Лаврова эмигрировать за границу.

⁹ Забегая вперед на полстолетия, скажу здесь, что опубликованные Н. В. Яковлевым в 1924 г. «Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина» вполне подтверждают правильность дошедших тогда до нас, семидесятников, сообщений. Так, в ноябре 1876 г. Щедрин писал П. В. Анненкову: «Политические процессы следуют одни за другими, не возбуждая ничего любопытства, и кончатся сплошь каторгою... Каторга за именные книги и за недонесение — это уже просто роскошь для такого бедного государства, как наша Русь. Подумайте только, как мало нужны нам люди и как легко выбрасываются за борт молодые силы, и вы найдете, что тут скрывается некоторый своеобразный трагизм».

Не менее интересно его отношение к «Нови». «Роман этот показался мне в высшей степени противным и неопытным, — писал он тому же П. В. Анненкову 17 февраля 1877 г. — Я совершенно искренно думаю, что человек, писавший эту вещь, выжил из ума... Это не роман, а бесконечная случайная болтовня... Никакого признака тургеневской кисти тут нет, т. е. даже в архитектуре романа... С внутренней стороны эта вещь еще более слабая... Что касается до так называемых «новых людей», то описание их таково, что хочется сказать автору: старый болтунище! Ужель даже седые волосы не могут обуздать твоего глганья... Все это можно писать, лишь впадши в детский возраст» («Письма», №№ 121 и 124).

¹⁰ Сперва этот отзыв появился в «Вестнике Европы» 1880, № 1, затем, в I т. Собр. соч. Е. И. Утина.

¹¹ По цензурным условиям очерк этот не появился в печати и дальнейшая его судьба мне неизвестна. Из Ильи Николаевича Игнатова, как известно, не вышло беллетриста; впоследствии он стал литературным и театральным критиком, написал статьи и о Щедрина и был редактором «профессорски-скучных» «Русских Ведомостей». Подробно о нем см. в сборнике «Группа «Освобождение труда», №№ 1 и 3.

¹² В этом отношении безынтересны его лекции о русской литературе, читанные им в С.-А. С. Штатах; они вышли и по-русски.

¹³ «La Russie sociale et politique», стр. 363. На предшествовавших страницах этой книги Лев Тихомиров еще восторженнее отозвался о Щедрина; приведу следующую выдержку: «...Шедеврами сатиры Россия обязана Щедрина (Салтыкову). Паразитально плодовитый и всеобъемлющий писатель, он отображает в своих сатирах все стороны современной ему жизни. Его изобретательность поразительна. Это неиссякаемый поток шуток и насмешек, то веселых, то злых. Своим талантом он сумел покориť даже тех, кого он вывел на посрамление. Даже цензура, и та иной раз не поднимает руку на Щедрина, и в то время, когда вся пресса обречена на молчание, он задевает самые щекотливые стороны действительности. Он вывел на свет божий основателей Священной Лиги, предал на посрамление шпионство, выявил всю низость правительственной реакции и т. д. Само собой разумеется, очень многие из его сочинений запрещены, но он умеет обходить трудности; он даже создал свой собственный язык, «рабий язык», как он сам его называет, язык необычайно гибкий, который режет, как бритва, не давая в то же время противнику возможности придраться к чему бы то ни было» (стр. 361—362).

¹⁴ Несмотря на столь оригинальные взгляды, совершенно противоречащие учению Маркса, одни из наших современных исследователей все же признают Зиберу «родоначальником марксизма в России», другие не с большим основанием из кожи лезут, стараясь возвести в тот же сан Ткачева.

¹⁵ Ольминский, М., Статьи о Щедрина, стр. 46. ГИЗ, 1930.

¹⁶ См. сборник «Группа «Освобождение труда», № 4, стр. 357—388. ГИЗ, 1926.

¹⁷ 1888 г.

¹⁸ После состоявшегося 20 апреля 1884 г. закрытия «Отечественных Записок».

¹⁹ Вот какого мнения был Щедрин о «Вестнике Европы» и о «Русской Мысли»: «...мое участие в нем (в «Вестнике Европы». — Л. Д.) я считаю ниспосланною мне провидением карою... Но, во всяком случае, это не такой совершенный нужник, как «Русская Мысль», а только ватерклозет».